

Достойный ученик вахтанговской школы

Юрий Васильев поразил меня в очередной раз, когда я увидела его танцующим в дуэте с юной балериной Настей Миськовой. Драматургией танца были песни Эдит Пиаф. Он выносил на руках маленькую девочку, бережно ставил ее на сцену, а потом начинался удивительный спектакль. Рокошущий голос Эдит Пиаф то подхватывал, то разбрасывал эту пару в разные стороны. Глубокое слияние с душой музыкального произведения выражалось средствами балетной пластики. Покоряло удивительное чувство партнерства - так благородно подавал актер в танце эту хрупкую девочку... Дуэт возник два года назад на съемках фильма «Балерина» режиссеров А. Згуриди и И. Клдашвили. В этом добром и светлом фильме Юрий Васильев играл роль отца маленькой балерины.

На такой же чистой романтической ноте, с легкой долей иронии был сыгран Дон Кихот в телеспектакле А. Глобина «Дон Кихот и Дон Жуан» - истории встречи двух «вечных» героев. Внутренняя духовная танцевальность - такой метафорой часто пользовались поэты-романтики, видевшие в танце переходную область, соединяющую и опосредующую телесное и духовное. Это определение, на мой взгляд, подходит ко многим работам актера в театре и кино.

Сейчас Юрию Васильеву немногим больше сорока лет, и он продолжает играть свои любимые «романтические» роли, главная из которых - Людовик в спектакле «Молодость Людовика XIV» А. Дюма. Его обаяние и темперамент здесь срод-

ни вдохновенным героям легендарного Жерара Филиппа, любимого актера Васильева. Когда-то он приехал из далекого Новосибирска поступать в театральное училище имени Щукина с портретом Жерара Филиппа в кармане. По окончании училища Васильев был приглашен сразу в шесть московских театров. Он выбрал Театр сатиры и Валентина Николаевича Плучека, безошибочно почувствовал, что его талант и природный артистизм соответствуют стилю и духу этого театра, на сцене которого в те годы блистали такие замечательные актеры, как Анатолий Папанов и Андрей Миронов. Васильев не затерялся в прославленном коллективе, как это иногда происходит даже с весьма талантливыми молодыми актерами. Тогда, с его приходом, в Театре сатиры с особой силой зазвучала высокая лирико-романтическая нота. Уже в первом своем театральном сезоне он сыграл множество главных и не главных ролей.

Первая серьезная работа Васильева в театре - Голубков в «Беге» М. Булгакова. Его Голубков был мягким, интеллигентным юношей, втянутым в бессмысленную круговорот войны и разрухи, в бессмысленный распад мира. Юношеская горячая любовь к жизни, любовь к Серафиму - было единственным, что противостояло разрушительному страшному бегу. Голубков был как бы заявкой на роли драматического и даже трагедийного плана, но с самого начала было также ясно, что Юрий Васильев - замечательный комедийный актер, мастер импровизации и свободной игры, достойный

ученик вахтанговской школы с ее всепобеждающим и жизнеутверждающим оптимизмом.

В спектакле «Ревизор» он выходил в массовке маленьким бессловесным чиновником, который с ехидным злорадством, оттопырив уши, вывернувшись буквально наизнанку, в упоительном восторге слушал гадости о соседях чиновниках. Разоблачительное письмо Хлеста-

кова - звездный час в его жизни. Это был выразительный сценический набросок к двум будущим ролям Васильева - чиновнику Набойкину («Тени» Салтыкова-Щедрина) и булгаковскому Коровьеву («Шизофрения, как и было сказано»). Коровьев Васильев играет почти на грани фарса и превеличенного гротеска. Но все же в комедийных ролях ему больше свойственны несколько иные краски.

Его излюбленный прием, стиль и актерский метод - легкая романтическая ирония. Таков у него лорд Горинг из спектакля «Идеальный муж» - изящный, изысканный джентльмен, с блеском и как бы невсерьез устранивающий дела государственной важности, грозящие потерей репутации и политической карьеры его другу лорду Чилтерну. Изнеженный и утонченный английский денди преподносится актером с легкой долей отстранения и насмешки, но так непринужденно и изящно, что вы уже не замечаете, когда наслаждаетесь «парадоксами» Оскара Уайльда, а გადა актерской игрой и иронией. Васильев также виртуозно ведет словесные дуэли и нить интриг Уайль-

да, как фехтование и танцы в «Молодость Людовика» А. Дюма.

Владение приемом отстранения помогло ему играть «короля» лондонских бандитов Мэкхита в «Трехгрошевой опере» Брехта. Когда-то эту роль в Театре сатиры играл Андрей Миронов. Перед Васильевым стояла сложная задача найти свой путь к сердцу зрителей, многие из которых помнят знаменитый старый спектакль. Зрителей надо было убедить в том, что это совершенно другой спектакль. Убедить или переиграть? Васильев выбрал второй путь и поступил мудрее остальных актеров, которые, как мне кажется, на протяжении всего спектакля кого-то в чем-то убеждают, так агрессивно и напористо они стараются навязать себя публике. Последний зонг «с петлей на шее», когда веревка превращается в аркан, на котором Мэкхит как бы «тащит» всех героев, - выразительная метафора всего спектакля.

Одна из лучших ролей Васильева на сегодняшний день - художник Коромыслов в сложнейшей пьесе Леонида Андреева «Катерина Ивановна» спектакля театра «Модерн» под руководством Светланы Враговой. Театр почувствовал «настроение», ключевые ноты Андреева - «тьма» и «бездна», пустота и бессмысленность мира, внешне кажущегося таким благополучным.

Художник Коромыслов появляется как некий Мефистофель, одновременно злой и добрый гений сценического действия. Он Артист, он Мастер своего дела. В его фраке, цилин-

дре, накидке, в том, как он входит в гостиную, наливает коньяк из своей немислимой трости, декламирует с упоением цветастые строки - Артистизм, художественная театрализация действительности, слишком хорошо ему знакомы. В третьем акте чуть приоткрывается маска, за которой раньше скрывался Коромыслов, но все равно он никого не пускает в свой внутренний мир, отгородившись каким-то резким отстранением и от влюбленной в него когда-то Лизы, и от требующей его любви полубезумной Катерины Ивановны. За окном его мастерской пропасть многоэтажного города, темная бездна, в которую так и не бросилась Катерина Ивановна. Театр берет второй вариант последней сцены пьесы с темой всепоминающей и всепрощающей любви. Кусок черной бумаги в окне мастерской сгорает от свечи, поднесенной маленьким мальчиком, открывая вдалеке церковь. Но Коромыслов остается чуждым этой боли и трагедии, у него нет слез, для него нет спасения. «Белил нет», - говорит Коромыслов, не видя в мире светлых красок.

Актер раскрывает всю глубину этого трагического образа, сложнейшей роли, требующей полной самоотдачи. Коромыслов - новый этап актерской судьбы Юрия Васильева.

Галина СТЕПАНОВА.

На снимке: Коромыслов - Ю. Васильев, Катерина Ивановна - А. Яковлева («Катерина Ивановна», театр «Модерн»).

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

Шеф-редактор Наталия БАЛАШОВА.